

Одержимый

Автор:

Артём Медичи

Одержимый

Артём Геннадьевич Медичи

Кто-то сказал: правда всегда одна. Крестьянин, извозчик и забулдыга Густай Сивир знает это как никто другой. Как прекрасна жизнь, когда вокруг – правда, только правда и ничего кроме правды! Кхм... да. И дабы это счастье не разлилось, подобно молоку из треснувшего кувшина, в головах чешут сразу трое, из которых ни один не попадает под определение "нормальный человек с удавшейся личной жизнью".

Темно-красная, цвета подвяленного мяса, мелкая удушливая пыль струилась по дороге. Ветер-хохотун играл с пылью, свивал в клубки, вырывая из них багряных змей, бросая сгустки глинистой взвеси в ноги, разрывая извивы в клочья, тщетно пытаясь забить рот и нос, обтянутые матерчатой маской. Конец лета выдался на диво сухим; с гор не скатывались орды разбойников-туч, дожди же, по-видимому, решили отныне и навеки считать Утрантскую Одворь проклятым местом, и ни одна капля не пролилась... сколько? Да второй месяц уж пошел...

Жара стояла на полях.

Собирались просить о помощи Утрантскую Ведьму... ага, допросишься, как же. Муженек ее быстро накрутил хвост и старосте, и дароносцам, и даже охране заодно досталось. Как еще не выронил: «Пускаете всякую шваль...». Это при том, что муженек ее сумрачнолицый – не из Белой Башни, а из Зеленой. И еще поговаривали, что Ведьма и не Ведьма на самом деле, а воплощение этого... который с рогом и хвостами. На старосту похоже? Это да, рог у него вырос просто замечательный, а этот Зюндар, или как его там, даже кулак не потер. Обернулся и пошел – весь из себя каменный. Голова каменная – зачем ей думать? Спина каменная. Ниже тоже все окаменело, презрение источает. Ох,

чародеи...

Ну, это потом мы уже узнали, что женка его крепко с ним повздорила. Собрала в торбу все свои хвосты и рога, и так, налегке, ушла жить к родителям. Оно и правильно... странная она, неча таким в Утранте разгуливать. Роглак-то – вон он, за горкой да у Ручейного Камня. В случае чего и наведаться можно, и совета спросить, а город пусть людям достается. Мало ли сколько в этой бестии Стихий да кем она очищена... говорят, на Очищении оленя целого положено съесть. Вот ведь живут жрецы!

Жара стоит. Не девается никуда, проклятая. Все попряталось, смолкло. Все, кроме этих отродий кузнечиков. Свиристыя на чем свет стоит, уши вянут, со злобы что ль, или вовсе с ума сошли. А что? Вон, говорят, у Мирка Одноглаза свинья с ума сошла. Прыгает, ревет. Сегодня Мирк ее резать собирался. Пойти бы потрохов выпросить, да лень... И Лис у Анховы больной стал, то кидается на всех, то плачет, даром что псина, а мозги-то у всех есть. Во! Слыхали? Сова. Днем. В дикую жару. Нет, не иначе – проклятие.

Шляпа-соломенка сползла на лоб, и Густай Сивир привычно поправил ее бутылкой – той самой, что держал в руке. В стеклянной купели оставалось еще немало «Слезы Пятого» – иначе и не назвать ту водицу, которую гнал из картошки и сахара толстяк Смосс. Этот пройдоха, даром что жрец, уже успел отравить своим пойлом пару деревень и неуклонно подбивал клинья к третьей. Потом, по-видимому, должен будет наступить черед Утранта. Сивир хихикнул, представив себе спившихся (в очередной раз) магов из Зеленой Башни. Да-да, зеленых магов, зеленую башню (в числе три), зеленую стражу и зеленого рерия. Нос, являвший собой образец мягкого художественного перехода от глубины ночного неба к пылающему закату, замер, не дойдя до горлышка бутылки. Носу нестерпимо хотелось почесаться, но старый Сивир медлил. Не спеша оглянулся. Сзади никого не было. Впереди тоже было пусто. И по бокам, и сверху, и под землей. Никого не было вокруг, и только тогда возница отложил бутылку, почесал пятерней мясистый нос и горько вздохнул. Можно сколько угодно делать из магов дураков, зная, что любой из них сметет тебя одним движением мысли. Можно насмехаться над стражей, помня, как близки тюремные застенки. Но рерия... Церемония посвящения, канувшая в туман... каша в головах, дикий ужас в сердце – все ерунда. Сам рерия – вот притча во языцех. И не дай Шестеро подумать невпопад – нет, никогда мужественный и благородный рерия не был вором, врачом, мошенником и бродягой без гроша в кармане. Не был и не будет, храни его Косой Крест.

Грызь уныло потрянула головой. Пыль не нравилась ей не меньше, чем хозяину. Воз не был особенно тяжелым: сено успело высохнуть – поробуй тут не высохни... хоть какая-то польза от сумасшедшего пекла, что стояло насмерть и помирать не собиралось. Сено... клевер там вкусненький, хрустящий. Но скверное поведение красного марева перечеркивало все удовольствие. Зачем нужен клевер, когда рот наполняется жирным пеплом? Зачем сено, если в глаза лезет багряная сухость? Хоть бы хозяин додумался водицы, что ли, дать... или морковочку... Грызь снова мотнула головой и тяжело вздохнула. Тяжела участь лошажья: тащи воз, перебирай ногами, не заикайся о моркови да медитируй на клевер. С четырьмя листочками. Счастье приносит, зар-раза...

Густай Сивир благосклонно кивнул. За долгие годы он научился понимать язык Грызи. Пыль не нравилась обоим; одна судьба делилась на двоих, и то, что в руке возницы была изумрудно-зеленая бутылка бормотухи, а верная лошадь страдала от жажды, было явлением временным. Во-он до того привала. Все надо делать в срок, правильно и быстро – и ни в коем случае не прыгать выше головы. Цель по стрелку, шапка по голове, брага по горлу. Сивир слегка скривился, вспомнив случай двадцатилетней давности, вбивший в него нехитрую эту философию. Ну да, шишки и синяки, набитые дубинками судьбы, тоже должны соответствовать выносливости счастливца. Иначе – смысл в уроке? Загнется избранничек фортуны, и ищи пузырей в болоте. Сивир вот – выдержал. И Грызь наверняка тоже таит в душе своей четвероногой простую животную печаль, и потому не капризничает и не хулиганит по пустякам.

Сивир мотнул головой – точь-в-точь как Грызь, отгоняя вместо слепней дурацкую меланхолию. Приник губами к бутылке, глотнул от души; терпкий комок прокатился по пищеводу – и замер где-то у входа в желудок, словно хотел сказать: «Нет уж, дальше я не пойду, ищите другого дурачка – пропадать, так с музыкой!». Сивир закашлялся, бутылка выпала из его рук, он согнулся в три погибели, заскреб пальцами по днищу повозки, безжалостно сядя занозы – и вдруг проклятый комок рухнул вниз, обжег желудок: к Пятому, хватит сопротивляться, надоело! И стало тихо-тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/medichi_artem/oderzhimyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)